

Взгляд Тань Юмина наконец-то сфокусировался. Сделанная на заказ обложка для документов, коричневая кожа которой обтрепалась по краям. Его подарок Шэнь Цзунняню, сделанный много лет назад.

— Нашли в вашей машине, — произнёс Чжао Шэнгэ. — Должно быть, она выпала у Шэнь Цзунняня и отлетела в угол, когда машину занесло.

Тань Юмин осторожно открыл её. Как только он увидел фотографию, его глаза покраснели. Он бережно прикоснулся к ней и нащупал во внутреннем кармашке красную нить с кусочком нефрита.

Этот кусочек откололи от необработанного камня, из которого был сделан его собственный нефрит.

Когда Шэнь Цзуннянь жил в семье Шэнь, помимо регулярных автомобильных аварий и похищений, проклятия и куклы вуду были для него обычным делом. Он стал молчаливым и мрачным. После того как он переехал к семье Тань, старик Тань лично пригласил странствующего мастера Сюань Лина из храма Тяньхоу, чтобы тот снял с Шэнь Цзунняня порчу и помолился за его благополучие.

Мастер Сюань Лин сказал, что у Шэнь Цзунняня крайне иньская судьба стихии Воды в час Лошади, его тень застигает солнце. Ему требовалась защита янского Дерева. Поэтому от камня, из которого сделали нефрит для Тань Юмина, откололи кусочек. Но из-за слабой судьбы Шэнь Цзуннянь не смог бы вынести целого камня, поэтому ему разрешили носить лишь половину.

Сюань Лин прямо на месте нарисовал для него защитный талисман. Тань Юмину было скучно, и он тоже решил повторить за мастером, набросав свой рисунок тут же.

На последней странице обложки для документов лежал именно тот талисман с каракулями, который он небрежно нарисовал в одиннадцать лет: палящее солнце в небе, освещающее одинокое дерево.

Тань Юмин крепко сжал этот спасительный талисман. Слезы намочили лицо Шэнь Цзунняня на фотографии в документах.

Судороги, спазмы. Его тело свернулось в клубок, не в силах вынести эмоционального срыва. Чэнь Вань без колебаний нажал на кнопку вызова врача. Медсестра почти насильно сделала Тань Юмину успокоительный укол, отправив его в состояние полусна-полуобморока.

Оставив Чэнь Ваня дежурить у постели, Чжао Шэнгэ скомандовал:

— Вы все, выходите.

Дождь тяжело и яростно барабанил по окнам гостиной. Чжао Шэнгэ заговорил не сразу. Его спокойный, но тяжёлый взгляд уже послужил безмолвным упреком и уроком. Лишь когда Чжо Чжисюань и Цзян Ин больше не могли этого выносить, он произнёс:

— Если хотите подраться, можете сделать это, когда мы его найдём.

Обоим стало стыдно и неловко. Один бегал глазами, другой молча опустил голову. Много из сказанного ими не было правдой, а являлось лишь словесным выплеском после крайнего горя и подавленности.

Чжао Шэнгэ не любил читать нотации и сразу перешёл к раздаче поручений:

— Цинь Чжаотин берёт на себя контроль над всеми прибрежными зонами и оказывает давление на полицейские участки каждого района. Цзян Ин, ты следишь за Нулевым островом, таможенной и проверяешь всех подозрительных лиц на въезде и выезде. Чэнь Вань разошлёт вам составленные карты океанских течений и укажет ключевые порты для проверки, а также займётся сбором всей поступающей информации.

— Полиция тоже будет действовать, но им катастрофически не хватает людей. Вы должны делиться друг с другом информацией, чтобы не делать одну и ту же работу дважды. Гуань Кэчжи уже взяла на себя организацию морской торговой выставки. Тань Чжуншань начинает судебное разбирательство против семьи Цзэн. Если что-то случится, вы должны помочь удержать ситуацию под контролем. При любых новостях сразу же звоните мне. Звоните напрямую на мобильный, я на связи двадцать четыре часа в сутки.

У Чжо Чжисюаня не было ни денег, ни людей. Но он так преданно смотрел на Чжао Шэнгэ, что тому пришлось добавить:

— А-Сюань, присматривай за Юмином. Как можно скорее свяжись со своей старшей сокурсницей и начни его психологическое лечение, — Чжао Шэнгэ всегда оставался предельно рациональным. — Ты должен его успокаивать, но не потакать ему.

— Хорошо!

Все получили свои задания, и на душе стало немного спокойнее. Чжао Шэнгэ был для них словно нерушимая скала. В воздухе по непонятной причине затеплилась надежда.

Все быстро приступили к делу. Оставив Чжо Чжисюаня дежурить в палате, Чжао Шэнгэ и Чэнь Вань прошли по больничному коридору и вошли в лифт.

Их телефоны не замолкали ни на минуту. Каждый был занят: они уточняли ситуацию по разным направлениям и сводили информацию воедино. Чжао Шэнгэ не спал уже более сорока часов. Он не мог ни перед кем проявить слабость и подорвать боевой дух. Лишь в этот момент,

оставшись наедине с Чэнь Ванем, на его лице промелькнула едва уловимая растерянность.

По натуре Чжао Шэнгэ был холодным человеком. Друзей у него было немного. В каком-то смысле даже Цзян Ин и Чжо Чжисюань не входили в его самый близкий круг. По-настоящему он вырос только с Шэнь Цзуннянем и Тань Юмином.

Они были абсолютно разными людьми.

Чжао Шэнгэ рос в условиях строжайшего воспитания по классической модели наследника. Шэнь Цзуннянь же был его полной противоположностью. Он вырвался вперёд по абсолютно бунтарскому, дикому пути, пробираясь сквозь грязь и собирая на себя дурную славу.

Все они от природы были равнодушны и не клялись друг другу в вечной дружбе до небес. Однако, начиная с подростковой борьбы за власть и заканчивая взлётами и падениями в бизнесе в юности, они втроём всегда служили друг другу негласной опорой в делах. Это было похоже на молчаливое согласие, на обещание. Никто никогда не говорил об этом вслух, но на деле они всегда поступали именно так.

С негромким звоном лифт прибыл на первый этаж. Двое мужчин направились на парковку, вновь погружаясь в суету новых забот.

Тайфун уходил медленно. Сезон паводков с трудом подошёл к концу. Небо снова стало кристально синим, словно Жемчужина Востока никогда и не страдала от разрушительных ударов бури.

Жаркое субтропическое солнце освещало деревья личи с их крупными изумрудными листьями и алыми плодами. Тропический фруктовый сад Гуань Кэчжи казался больше, чем в воспоминаниях.

— Что ты делаешь? — спросил Тань Юмин, спрыгивая с дерева в своей теннисной форме школы Инхуа.

Шэнь Цзуннянь бросил личи в кувшин:

— Ставлю вино из личи.

— А это? — поинтересовался Тань Юмин.

— Цукаты.

— А вон та куча?

— Для чая.

— Зачем ты делаешь так много?

Шэнь Цзуннянь покосился на него:

— Ты же любишь их.

Тань Юмин слегка возгордился и хмыкнул:

— Но я же не смогу съесть так много.

— Хватит на много лет.

Тань Юмин удивился:

— Зачем есть их много лет? Разве нельзя каждый год делать свежие?

На этот раз Шэнь Цзуннянь ответил не сразу. Помолчав немного, он произнёс совершенно невпопад:

— Прости, Тань Юмин. У меня есть только личи.

Тань Юмин ничего не понял. Обернувшись, он обнаружил, что Шэнь Цзуннянь исчез. Тань Юмин заволновался. Он начал искать его повсюду, но всё было тщетно.

В первый год закончились цукаты. Шэнь Цзуннянь так и не появился.

Во второй год он выпил весь улун с личи. Шэнь Цзуннянь не появился.

На третий год вино из личи тоже подошло к концу. Шэнь Цзуннянь не появился.

Он знал, что Шэнь Цзуннянь больше никогда не появится.

Фраза «Прости, Тань Юмин, у меня есть только личи» на самом деле означала: «Прости, Тань Юмин, я могу сопровождать тебя только до этого момента».

— Мин-цзай!

— Мин-цзай!

Ещё до того, как он открыл глаза, по щекам потекли слёзы. Но увидев у кровати седеющие виски Тань Чжуншаня и полный боли взгляд Гуань Кэчжи, Тань Юмин понял, что больше так продолжаться не может.

Проснувшись во второй раз, он был всё таким же бледным, но его эмоциональное состояние значительно улучшилось.

Посмотрев на родителей, державших его за руки, Тань Юмин с трудом моргнул и хрипло произнёс:

— Папа, мама... выпишите меня из больницы.

Семнадцатого сентября Городской комитет по надзору за торговлей одобрил резолюцию о том, что корпорация «Жуйчан» подозревается в массовой игре на понижение на фондовом рынке, уклонении от уплаты налогов в особо крупных размерах, а также в сговоре с преступными группировками с целью дестабилизации рынка. В тот же день Комиссия по ценным бумагам выдала им «жёлтую карточку», а Комитет морской торговли лишил их статуса соорганизатора.

Правовые и финансовые телеканалы ТСВ одновременно передали в эфир новость о том, что ключевые члены руководства корпорации «Жуйчан» вызваны на допрос. Сообщалось, что помимо экономических преступлений, они также подозреваются в похищениях людей и умышленных убийствах.

Двадцатого сентября Департамент юстиции и Департамент полиции выпустили совместное заявление о том, что шестимесячная операция по борьбе с крупномасштабным внутренним и международным финансовым мошенничеством и отмыванием денег официально завершена.

В ходе операции были изъяты незаконные средства на сумму почти десять миллиардов гонконгских долларов, уничтожено шестнадцать мошеннических центров внутри страны и за её пределами, а также задержано более двухсот преступников во главе с неким Шэнем.

Двадцатого сентября Главное районное управление объявило, что церемония открытия морской торговой выставки, отложенная из-за тайфуна, состоится двадцать второго числа.

В день открытия собралось множество политиков и бизнес-элиты со всего мира. Мероприятие отличалось небывалым размахом, собрав целое созвездие выдающихся личностей.

Тань Юмин появился в качестве главного соорганизатора, наслаждаясь безграничным вниманием. Однако репортёры и пресса были удивлены тем фактом, что Шэнь Цзуннянь — глава корпорации «Хуаньту», которого вместе с Тань Юмином называли «Двойной звездой Сянгана», — в тот день так и не появился.

Зато на мероприятии присутствовал глава корпорации «Минлун» Чжао Шэнгэ, который обычно никогда не появлялся перед камерами. Он попал в кадр во время выступлений Тань Юмина и Чэнь Ваня, хоть всего и на пару секунд.

По всей видимости, он пришёл поддержать своего друга.

Тань Юмин давал интервью. Он стал намного сдержаннее, чем раньше, можно даже сказать — серьезнее. Средства массовой информации Хайши хорошо его знали, а более опытные журналисты могли с полным правом заявить, что он вырос у них на глазах.

Внимательные репортёры чутко уловили тонкие изменения в этом любимце финансовых обложек. Былая страстность и открытость исчезли, его аура стала спокойной и деловой. Возможно, под влиянием недавнего инцидента с семьёй Цзэн, в уголках его глаз и изгибе бровей время от времени проскальзывали мрачная серьёзность и агрессивность.

Даже улыбаясь и обмениваясь любезностями перед камерами, он больше не был таким раскованным и беззаботным, как прежде. Это была более зрелая, безошибочная модель поведения. Когда журналисты попытались вновь запечатлеть его прежнюю ослепительную улыбку, напоминающую тропическое солнце, все они ушли ни с чем.

К тому же, позже они обнаружат, что именно с этого публичного появления тот прежний плейбой, всегда одаривавший всех лучезарной улыбкой, исчез навсегда.

После интервью он столкнулся с Ван Сыминь. Тань Юмин первым поднял бокал:

— Спасибо.

Поисковые катера отеля «Парус» тоже участвовали в спасательной операции той ночью.

Новости об исчезновении Шэнь Цзунняня держались в тайне. Широкая публика ничего не знала, но Ван Сыминь была прекрасно осведомлена о том, какой трагичной выдалась та ночь. Не умея подбирать слова утешения, она лишь сказала:

— Не стоит. Если нужна будет помощь, просто скажи.

Тань Юмин машинально кивнул. Дождавшись, когда Ван Сыминь уйдёт, он напрямик направился к журналисту, который прятался неподалёку и делал фотографии.

— Удали, не публикуй, — спокойно произнёс он.

Репортёр на мгновение опешил.

Тань Юмин спокойно и серьёзно предупредил его:

— И впредь тоже не пиши всякую чушь.

Он никогда не обращал внимания на подобные статьи. Но теперь даже боялся представить, сколько из них читал в прошлом Шэнь Цзуннянь и что при этом чувствовал.

— Будь добр, передай это и остальным.

В тоне Тань Юмина не было ни угрозы, ни приказа, но репортёр всё равно уловил нечто необычное, чего раньше в нём не было. Он поспешно закивал головой.

Телефон завибрировал. Тань Юмин достал его, взглянул на экран и быстро покинул место проведения выставки.

Чжо Чжисюань, беседовавший в этот момент с гостями, краем глаза заметил напряжённый профиль Тань Юмина. У него в голове тут же зазвенели тревожные колокольчики. Он немедленно бросился вдогонку. Тань Юмин шёл слишком быстро, поэтому Чжо Чжисюаню оставалось лишь на бегу к парковке звонить и звать на помощь:

— Алло? Ты где?

Цинь Чжаотин и Чжо Чжисюань не смогли догнать мчащийся словно дикий мустанг Porsche Cayenne. Когда они добрались до заброшенного частного аэропорта, Тань Юмин уже избил Цзэн Шаохуэя до полусмерти.

Будучи главным заговорщиком, Цзэн Шаохуэй внёс полный залог и добился освобождения до суда. Он решил сбежать за границу в день открытия выставки, когда всё внимание было отвлечено.

— Думал сбежать? И куда же? — Тань Юмин смотрел на него сверху вниз, словно на жалкую букашку. Со всей силы он ударил его кулаком в глазницу.

— Ты никуда не уйдёшь. Ни твой двоюродный брат, ни твой отец, ни твой дед — никто из вас не уйдёт, — второй удар пришёлся прямо в живот.

Тань Юмин был безупречно одет, но лицо его исказила мрачная злоба:

— Палата на горе Сяолань уже готова.

Зрачки Цзэн Шаохуэя дрогнули. В лечебнице на горе Сяолань содержались пациенты с особым

статусом: любовницы и внебрачные дети чиновников, особо важные политзаключённые, сошедшие с ума знаменитости. О правах человека там не было и речи — только невообразимые пытки и унижения.

Тань Юмин вдавил кожаный ботинок ему в лицо. Это было выплеском ярости, а также требованием расплаты:

— Когда он вернётся, тогда и вы выйдете на свободу.

Его глаза уже налились кровью от ярости. Выскочив из машины, Чжо Чжисюань и Цинь Чжаотин бросились к нему и схватили:

— Юмин! Тань Юмин!

Сегодня повсюду шныряли журналисты и папарацци. Если их сфотографируют, это станет международным скандалом.

Один человек ни за что не удержал бы Тань Юмина. Цинь Чжаотин мёртвой хваткой вцепился ему в руку, останавливая:

— Хватит! Он уже еле дышит. Оставь его пока, потом ещё вдоволь наиграешься.

Чжо Чжисюань поддакнул и попытался его успокоить:

— Да, да! Зачем марать руки? Оставь его нам.

Тань Юмин машинально отряхнул руки, словно немного придя в себя. Тихо пробормотав слова благодарности, он с бесстрастным лицом вернулся в свою машину.

<http://bllate.org/book/17117/1621274>